

Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев

За краем Ойкумены: где кончается периферия

Бляхер Леонид Ефимович — доктор философских наук, профессор высшей школы социальных и политических исследований Тихоокеанского Госуниверситета. **Электронная почта:** Leonid743342@mail.ru

Григоричев Константин Вадимович — доктор социологических наук, проректор по научной работе и международной деятельности Иркутского госуниверситета. **Электронная почта:** grigorichev@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается специфический казус отношений центра и периферии. В представленном случае, периферией оказывается социальное пространство, оставшееся после «сжатия» (социальная «пустота»). Такое пространство выпадает из государственной статистики, официальных описаний. Иногда речь идет о юридически признаваемой пустоте («межселенные территории»), иногда «пустое пространство» воспроизводится фактически. Но пустым оно оказывается не потому, что там ничего нет, но потому, что там нет того, что может наблюдать власть, центр. На основе экспедиционных материалов 2018–2023 гг. авторы описывают два случая подобной «пустой» периферии. Первый в работе обозначен как периферия власти. Под периферией власти мы понимаем особое состояние, когда издержки контроля над территорией оказываются выше тех благ, который этот контроль может принести. В результате контроль над территорией делегируется особому, неполитическому актору, не встроенному в государственную структуру («таежный барон»). Социальные и хозяйственные практики, складывающиеся в этом пространстве, мы обозначили термином «периферийный (фронтирный) капитализм». Однако существуют и более удаленные пространства, названные нами абсолютной периферией. Если в варианте «таежного барона» еще остается возможность мобилизовать власть, складывается необходимость имитации легальных форм социальности, то в абсолютной периферии сама легальная власть становится одной из неформальных практик. Система социальных и хозяйственных практик здесь принципиально не различает формальное и неформальное, легальное и нелегальное. При этом и в первом, и во втором случае традиционное восприятие центра как источника смыслов, а периферии как источника ресурсов для модернизации трансформируется. Для периферии власти и абсолютной периферии центр получает смысл только как источник некоторых ресурсов. Такое оборачивание центр-периферийных отношений и рассматривается в статье на примере таежного поселка. Экспедиционное исследование выполнено по гранту фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (грант 2023–007).

Ключевые слова: центр, периферия, удаленность, труднодоступность, фронтирный капитализм, периферия власти, абсолютная периферия.

Для цитирования: Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. За краем Ойкумены: где кончается периферия // Пути России. 2023. Т. 1. № 2. С. 19–37.

Проблема отношений «центр-периферия» уже не одно десятилетие находится в фокусе внимания обществоведов [Хамфри, 2014]. От вполне географической проблематики [Родоман, 2007] интерес все сильнее смещался к анализу структуры социального пространства, политических особенностей социального конструирования [Centers and peripheries, 2020]. В этом плане центр-периферийные отношения стали восприниматься в качестве фундаментального механизма структурирования социального пространства, наделения его смыслами. При этом маркированным, осмысленным элементом оппозиции выступает именно центр [Каспэ, 2007]. Именно центр выступает источником смыслов, оформляющих социальное пространство, порождающих его. Борьба смыслов существует только в центре и за роль центра. На долю периферии здесь остается лишь более или менее удачная рецепция смыслов, транслируемых из центра, воспроизведение «центрального» образца. Именно анализ этих, ключевых смыслов и представляет собой способ понимания и смыслов, и процедур оформления, и его результатов. Периферия здесь выступает пассивным объектом, источником ресурсов для воплощения смыслов, идущих из центра, создающих целое. Но такая картина возникает только в том случае, когда сам наблюдатель находится в центре. Стоит смениться позиции наблюдателя, как меняется и сама картина.

Уже в концепции Ч. Тилли [Tilly, 1997] пространство периферии приобретает более сложную форму и функцию. Особенно, когда речь идет об изначально гетерогенном пространстве империи. Здесь говорится об иерархии центров, каждый из которых формирует собственную периферию. При этом смыслы, транслируемые из «главного центра», в этих «малых центрах» дополняются и трансформируются. Соответственно, более сложно и совсем не однонаправленно выстраиваются отношения между главным и дополнительными (местными, локальными) центрами.

Эта мысль в отношении пространства СССР и России достаточно явно прослеживается у С. Г. Кордонского [Кордонский, 2006]. В его модели на каждом ярусе иерархии происходит торг между вышестоящим и нижестоящим центрами. Сам факт наличия торга между центрами предполагает два крайне важных для нас обстоятельства. Во-первых, для торга необходимо наличие самосознания у локального центра, собственных смыслов, которые участвуют в административном торге. Во-вторых, в процессе торга трансформируются не только смыслы локальных участков имперского пространства, но и смыслы, идущие от общего центра. Тем самым, локалы так или иначе участвуют в конструировании целого. Участвуют в разной степени, разнонаправленно. Даже в условиях «вертикали власти» они сохраняют такую возможность за счет практики «конструирования угроз» целому, устранить которые в данном участке может только

этот местный центр [Кордонский, 2013]. Здесь ситуация оборачивается. Локальный центр (область, район и др.) оказывается источником смыслов (настоящих, онтологических), тогда как центр выступает источником ресурсов (бюджетных и связанных с бюджетом инвестиций, легитимности местной власти, силового и символического ресурсов и т. д.). Однако даже в случае обретших субъектность местных центров, выступающих более или менее успешно «голосом периферии», структура задается именно «главным» центром. Он определяет правила игры, выступает источником дискурса, в который так или иначе приходится встраиваться локальным дискурсам, пусть и частично трансформируя его.

Однако, как мы попытаемся показать в статье, это положение сохраняется не всегда. В ряде случаев, о которых речь и пойдет ниже, значимость центра (главного, имперского центра) не просто снижается, но исчезает; интенции, идущие от него, перестают быть смыслами, сливаясь с ландшафтом. Рассмотрению таких кейсов и посвящена настоящая статья.

Эмпирическим основанием для наших спекуляций выступает серия экспедиций по верхнему течению реки Лена (от п. Усть-Илга до п. Витим) проведенных в 2018–2023 гг. Экспедиции различались по времени (от недели до месяца), по формам сбора материала. Экспедиция 2018 года, по сути, была «случайной находкой». Необычный объект был обнаружен в ходе рыбалки на официально «пустой» территории. Потому единственной формой сбора материала оказалось наблюдение. В 2020 году полевые исследования не проводились в связи со сложностью организации поля в условиях карантинных ограничений. В этот год были собраны и проанализированы доступные статистические данные по отмеченной территории, проанализирован доступный массив материалов СМИ о поселениях этого участка реки. В 2021–22 гг. наблюдения (более 90 населённых или бывших населённых пунктов) были дополнены 36-ю глубинными интервью (по предварительно разработанному гайду) и 14-ю беседами с информантами (без предварительно разработанного гайда). Эти экспедиции осуществлялись при поддержке РГО. В 2023 году объектом исследования были конкретные поселения в одном из северных районов Иркутской области. Здесь основной формой сбора материала выступали интервью с местными жителями. Всего проведено 14 интервью. Предметом исследовательского интереса в интервью выступали хозяйственные практики местного населения, формы социального и хозяйственного взаимодействия жителей территории между собой и с внешним миром, отношения с легитимной властью, контролирующими и силовыми структурами. Экспедиция 2023 года была поддержана фондом «Хамовники».

Центр и пустота: как работает периферия власти

Общей чертой всей обследованной территории (около 1500 км по течению реки) была ее удаленность. Ближайшие крупные города отстоят от нее на расстоянии от 500 до 900 км. Но дело не только в пространственной удаленности. Как показывает К. Хамфри, удаленность, в данном случае, достаточно сложная категория [Хамфри, 2014]. Она включает в себя не только пространственное расположение. Скажем, наличие регулярного автобусного, железнодорожного или авиационного сообщения неизбежно «приближает» эту территорию. И, напротив, равноудаленное в географическом смысле пространство, но лишенное центр-ориентированной транспортной сети, оказывается заметно более удалено от центров всех уровней. Иными словами, степень удаленности в первую очередь зависит от встроенности в систему центр-ориентированных логистических связей и лишь затем от расстояния и затрудненности доступа [Hamphry, 2015].

В нашем кейсе удаленность, на первый взгляд, прежде всего связана с труднодоступностью. Для большей части исследуемого пространства река выступает главным, а во многих местах и единственным способом связи. Исключением выступают г. Усть-Кут и поселения, расположенные близ Ковыктинского месторождения. Здесь проходит БАМ, есть дороги до областного центра, авиасообщение. Однако, как показало наблюдение, влияние этих центров ограничивается расстоянием одного дневного перехода по реке (35–60 км). За пределами этого ареала влияние «мегапроекта» (трубопровод «Сила Сибири», газо- и нефтедобыча) сходит на нет. Однако, существуют и более отдаленные (географически) населенные пункты района и региона, которые, однако, не воспринимаются как отдаленные и труднодоступные в силу их включенности в систему центр-ориентированной транспортной инфраструктуры (например, поселки, расположенные на БАМе, где железная дорога становится мощным фактором включения локальной жизни коренных народов в глобальные процессы [Schweitzer, Povogoznyuk, 2019]). В нашем кейсе географическая удаленность дополняется ограниченностью регулярного транспортного сообщения, которое, фактически, имеется только летом в период навигации. Отсутствие прямого и регулярного доступа как в центр, так и из центра, не только ограничивает доступ местного сообщества к центрам распределения ресурсов и принятия решений, но и наоборот, демпфирует властные интенции, сводя на нет влияние не только властных структур, но и крупных экономических проектов.

Отсутствие такого влияния связано со второй значимой характеристикой исследуемого пространства. Это пространство «пустое». Оно представляет собой нечто, оставшееся после «сжатия». О сжатии социального пространства написано уже немало [Трейвиш, 2010].

Наряду с многочисленными причинами сжатия, есть те, которые крайне важны именно в нашем случае. Так, наблюдателем, фиксирующим то, что социальное пространство сжимается, выступает, прежде всего, представитель власти. Именно он фиксирует тот факт, что территория оказалась «пустой». Как показал А. Ф. Филиппов, последнее не означает, что на этой территории ничего нет [Филиппов, 2009]. На территории, оставшейся после сжатия, не оказывается того, что наблюдатель мог бы считать, как нечто, это пространство наполняющее.

В нашем случае это означает, что издержки, которые необходимы для того, чтобы властно оформить эту территорию, существенно превышают выгоды от контроля над ней. У власти просто не оказывается ресурсов, чтобы организовать контроль над территорией. Скажем, представитель природоохранных структур в г. Усть-Куте рассказывал, что выделяемого для его подразделения топлива просто не хватит, чтобы добраться до охраняемых им пространств, не говоря уже об установлении контроля над ними.

Иными словами, проще объявить эту территорию пустой, нежели ввести в нее объекты, которые властный наблюдатель мог бы осмыслить как наполненность территории. Такое признание территории «социальной пустотой» иногда оформляется юридически. Скажем, статус межселенной территории вполне зримо выступает формой фиксации этого обстоятельства [Бляхер, 2023]. Возможны казусы, когда юридического оформления пустоты не возникает, но территория оказывается столь труднодоступна, что на уровне управленческих практик различие между такими «поселениями» и межселенными территориями стирается. Наблюдатель до них просто не добирается, соответственно, и не наблюдает. Именно эти случаи и попали в фокус внимания авторов в ходе экспедиций.

Участок от п. Усть-Илга Жигаловского района до г. Усть-Кут Иркутской области составляют межселенные территории. Поскольку поселения и, соответственно, администрация поселений здесь отсутствует, то не оказывается и тех, кто поставлял бы информацию для власти, выступал бы ее глазами. Ниже г. Усть-Кута межселенные территории встречаются лишь в одном месте. Однако среднее расстояние между центром поселения и входящими в него населенными пунктами составляет от 40 до 70 км. Физической возможности у «мэра» и его крайне скромного «аппарата» для контроля не оказывается. До райцентра, где находятся основные силовые и контрольные структуры, расстояние часто составляет сотню и более километров. В условиях отсутствия дорог это делает территории ненаблюдаемыми, следовательно, в рамках властного дискурса пустыми.

При этом властный наблюдатель оказывается в крайне неприятном положении. Он может постулировать пустоту, сжатие социального пространства, но не может, во всяком случае, на локальном уровне, констатировать сжатие политически контролируемой территории.

Для того, чтобы сохранить свои позиции в процессе административно-го торга, да и просто во властной вертикали, он должен имитировать контроль над территорией, в том числе социальный. Подобная имитация контроля выступает значимой формой деятельности муниципального уровня управления [Моляренко, 2018], а главная угроза подобной имитации — население «пустых земель». Ведь именно по отношению к нему муниципальная (местная) власть вынуждена не осуществлять, а имитировать выполнение своих функций. Реакцией населения выступает жалоба, как правило, в вышестоящие инстанции, силовые структуры. В интервью и беседах упоминались жалобы в областное правительство, в прокуратуру. Жалобы могут вызвать проверки, которые потенциально способны разрушить имитацию. В любом случае, это угроза, которую местной власти необходимо компенсировать.

Местное самоуправление, хотя на уровне декларации и остается автономным уровнем власти, на практике выступает лишь низовым ярусом государственного управления, полностью лишенным политической роли. Оно конструируется в качестве инструмента, машины по взаимодействию политического центра и населения на конкретной территории. Но будучи структурой неполитической, одним из государственных механизмов, в условиях невозможности полностью реализовать свои функции, местная власть вынуждена создавать собственные инструменты, находящиеся за пределами легальности. Такие инструменты и были обнаружены в ходе экспедиций 2021–2023 годов.

Для сохранения непроницаемости имитации контроля на неконтролируемых территориях местная власть и создает (поддерживает) достаточно необщественных агентов, по существу, делясь с ними монополией на легитимное насилие. По наблюдениям, проведенным в ходе экспедиций, на таких агентов («таежных баронов») возлагаются две значимые функции. Первая функция связана с возможностью мобилизовать власть. Властные лица и структуры находятся на удалении от места событий и не обладают возможностью реализовать систематический контроль над территорией. Однако это не означает, что власть здесь не может появиться в случае форс-мажора. Роль источника информации о таком форс-мажоре и выполняет властный агент. Вполне понятно, что такая роль вполне может быть использована и в собственных интересах агента. Но последнее не особенно пугает и интересует местную власть. Достаточно того, что на территории присутствует ее «представитель», пусть и нелегальный. Такую ситуацию, когда власть не в состоянии осуществлять декларируемые функции, а потому вынуждена делегировать свои полномочия иному агенту, мы и обозначили термином «периферия власти» [Бляхер, Григоричев, Пешков, 2022].

О таком представителе «периферии власти», формирующем правила, способном мобилизовать власть, нам сообщали информанты на участке в Жигаловском районе («Мишка-Олигарх»). Но особенно

ярким была фигура «таежного барона» в Киренском районе. Показательно, что в интервью, собранных в этом районе, о представителях местного самоуправления речь шла достаточно эпизодически, причем лишь в одном случае его представитель (мэр п. Казачинское в Казачинско-Ленском районе) упоминался в позитивном ключе. Зато имя «таежного барона» всплыло задолго до границ его владений.

Вот, когда Т. (фамилия персонажа — прим. автора) придет к власти... Ну, в смысле, когда он сюда придет, тут жизнь и появится. И поля распашут, скот будет, хлеб будет. И люди будут с работой. Вот ниже пойдете, сами увидите, как там все у него развернуто. Сам живет и людям жить дает (респондент, мужчина, 64 года, житель Киренского района).

На территории района ему принадлежат лесные деляны и лесопилки, сенокосы и поля, засеянные зерновыми и огородными культурами, стада скота, молокозавод, цех по переработке мяса и др. Он владеет транспортным предприятием (автомобильным) и флотилией речных судов. Официальный оборот его предприятий в 2022 году составил более 6 млрд. рублей. Он является и главным работодателем района и не только для местных жителей. На его основных предприятиях, расположенных на территории «бывшего населенного пункта», т. е. юридически в пустом пространстве, трудится до тысячи человек, большая часть которых работает в режиме вахты, проживая в поселениях, отстоящих от владений «таежного барона» на сотни километров. Состав вахтовиков крайне пестрый. Много местных жителей, точнее, жителей северных районов Иркутской области; есть выходцы из центральноазиатских стран СНГ. Есть и вовсе экзотические персонажи. Так, в одном из интервью упоминалось, что в качестве доярок «таежный барон» нанял женщин, отбывших срок наказания в тюрьмах Красноярского края.

Девки лихие. К ним один из этих, черных стал докапываться. Типа, показать, что он начальник. Так они ему такой укорот дали. До конца вахты молчал. А что? Так они с голой задницей домой вернутся. А от шефа с хорошими деньгами. Шеф платит честно, только работай и не косячь. Кормежка три раза в день. Тратить некуда. Вот и зарабатывают люди на нормальную жизнь (респондент, мужчина, 64 лет, работник предприятия, сварщик).

«Таежный барон» не только обеспечивает своим работникам трехразовое питание, о чем говорил респондент, но и бесплатный проезд от дома до своих владений. Свидетелями этого были и авторы статьи. Во время поездки на рейсовом катере с нами ехала бригада будущих работников «таежного барона». Если обычные пассажиры платили за

билет, то будущие работники просто назвали себя и записали данные паспорта.

Формальные ограничения и правила не особенно интересовали «таежного барона». Его предприятия, сельскохозяйственные угодья находили на территории столь удаленной, что визит контролеров здесь случался крайне редко, а о самом визите, «хозяин» узнавал раньше, чем возможный контролер.

Мне шеф говорит: Сварщик мне нужен. Только водителя я ради тебя по полянам гонять не буду. Дам машину, сам будешь ездить. А я ему: у меня и прав нету. А он: Мне твои права ни разу не интересны. Главное, чтобы работа была сделана (респондент, мужчина, 64 лет, работник предприятия, сварщик).

При этом порядок на вахте достаточно жесткий. Территория предприятий охраняется. Попытки пройти по ней были пресечены со ссылкой на то, что это частная собственность, куда пройти можно только с пропуском. Работа идет полный день с часовым перерывом на обед. На территории «бывшего населенного пункта» есть медицинские работники, но один из респондентов упоминал, как «хозяин» в условиях аврала запретил давать больничные листы. Любое нарушение карается штрафом.

Мне один парень рассказывал. Приехали они на автобусе на вахту, а там пьяные и бычки валяются. Их всех на пять тысяч оштрафовали. Он сам не курит и трезвый был. Пошел к начальству жаловаться. Так ему еще семь тысяч штрафа приписали за неуважение к начальству. Вот и выходит, что он и дня не проработал, а уже двенадцать тысяч должен. У них все так. Работа весь день. Отдых только, когда объявят перерыв. Выпил — штраф, покурил в неположенном месте — штраф, за драку — штраф. А деньги только после вахты (мужчина, 51 год, житель поселка в Киренском районе).

При этом все респонденты, работники «таежного барона», с которыми удалось взять интервью, ездят на вахту регулярно. Оплата от 60 тысяч рублей в месяц для неквалифицированного работника с их точки зрения компенсировала жесткость режима вахты.

Вне своей столицы — бывшего населенного пункта — работники «таежного барона» существуют в гораздо более льготном режиме. Работа «в охотку». Перерывы, когда устал. Но оплата сдельная. Однако не только власть главного работодателя территории составляет силу таежного барона. Гораздо более значимым в глазах местного населения выступает тот факт, что именно благодаря ему дисперсное распределенное население и клочки обжитого пространства срастаются в единое целое.

Он строит дороги с целью обслуживания собственного распределенного бизнеса. Однако местные также пользуются ими.

Раньше «хозяин» пользовался дорогами, которые нефтяники проложили. Ну, которые нефтепровод строят. Он им башлял. А теперь у него свои дороги. Они удобнее, чем у нефтяников. Те уже ему платят за дороги. А мы так ездим. От нас трудновато. А вот от К. (название поселения — прим. автора) по его дороге можно на машине до Киренска добраться. Ну, на тяжелой машине. На легковых здесь не ездят. Он понимает, что это земля наша. Помогает (респондент, мужчина, 58 лет, житель поселения).

Но дороги, а также речное сообщение в летний период, которые контролирует «таежный барон», не только связывают социальное пространство, обеспечивая коммуникацию между селениями. Они выступают элементами явления, обозначенного нами термином (предложенным И. О. Пешковым) «фронтирный капитализм». В рамках такого «капитализма» грань между формальными (легализованными государством) и неформальными, но устойчивыми практиками стирается. Продукты местных промыслов (охота, рыбалка, сбор дикоросов и др.) доставляются до «большой земли» на судах, принадлежащих «барону». Естественно, все это реализуется по устной договоренности, без оформления груза.

Он же, по существу, выполняет функции социальной поддержки для местных жителей. Отходы с его лесопилок отдаются «на дрова» местным жителям. Он обеспечивает льготную покупку муки с его сельхозпредприятий для тех населенных пунктов, которые находятся в «его землях», его молокозавод бесплатно поставляет молоко в учебные заведения района. Иными словами, он начинает выполнять те функции, по которым отчитывается местная власть, функции, которые способны сократить или свести к безопасному для местных властей минимуму поток жалоб от населения.

Но поскольку «таежный барон» не является элементом легислатуры, он формально не обязан все это делать. Это и превращает его во власть в глазах местных жителей. Их неправильное поведение по отношению к «таежному барону» карается. Правда, не с помощью силы, но отлучением от пользования транспортными, топливными и иными благами. Один из респондентов отмечал, что в ответ на отказ местных жителей разводить птицу, которую бы потом продавал «таежный барон», последний запретил возить какие-либо их грузы на своих судах, вплоть до угрозы закрыть остановку катера у их селения. Стоит отметить, что угрозы эти были существенно более действенными, нежели какие-нибудь силовые акции 90-х.

Подобная периферия власти занимает особое место в отношениях «центр-периферия», «главный и локальный центр», «локальный

центр и локальная периферия». Дело в том, что эта периферия не является центром для чего-либо. Да и местный центр, и в силу его удаленности, и в силу отсутствия интереса к этой периферии, со своей стороны оказывается центром весьма спорным. Не случайно, имя «таежного барона» упоминалось в интервью в среднем в 9 раз чаще, чем что-либо, связанное с легальной местной властью. По сути, только сама фигура «таежного барона» или схожего с ним по функциям агента связывала эту периферию с «большой землей», существование которой оформлено властью. Именно поэтому мы говорим не просто о периферии, но о фронтире, крае Ойкумены.

Но край Ойкумены оказывается не краем обитаемого мира. За ним находятся те, для кого «таежный барон» тоже внешняя фигура, а влияние более отдаленной власти просто исчезающе мало. Примером такого бытия «за краем Ойкумены» выступает п. Визирный, расположенный, практически, на границе Иркутской области и Якутии.

От «советского поселка» к миру таежных промыслов

Официальной статистической информации о поселке, особенно о его прошлом, удалось найти очень мало. Основная информация почерпнута из серии ретроспективных интервью с бывшими и нынешними жителями поселка. Поселок Визирный как центр леспромхоза был открыт в 1965 году. Место выбрано совершенно случайно. По крайней мере, именно так считали респонденты («Пьяный прораб карандашом в карту ткнул»). Но в этот период активное развитие территориально-производственного комплекса на юге Якутии создавало потребность в лесе и пиломатериалах. Леспромхоз развивался. Две первые улицы поселка («Ленская» и «Таежная») располагались вдоль реки и по дороге на лесные деляны. Позже к ним добавились чуть дальше отстоящие от реки улицы «Советская» и «Молодежная», а также идущая от реки к делянам улица «Сибирская». Последней, судя по названию, в конце 1980-х строится улица «70 лет Октября», зафиксировавшая максимальный пространственный рост поселка.

К этому моменту население поселка достигает своего пика, составляя, по словам респондентов, «больше 400 человек». В поселке имелось здание поссовета и управления леспромхоза (расположены были на ул. Советская). Там же располагалось почтовое отделение, магазин, клуб с кинозалом и помещением для танцев. Еще один магазин располагался на ул. Ленской. Между улицами Ленской и Советской располагалась посадочная полоса для вертолетов и малой авиации. На улице Таежной имелась двухэтажная больница, столовая для работников леспромхоза. На улице Молодежной находились двухэтажная школа и детский сад.

Имелись библиотека и дом культуры. Улица Сибирская вела к стационарному дизель-генератору (в просторечье — «дизель»), обеспечивающему автономное электропитание, гаражу и механическим мастерским, ферме. Чуть дальше располагалось кладбище поселка.

Визирный в тот период был тесно интегрирован в систему вертикальных связей и являлся точкой притяжения для окрестных селений. Не смотря на пространственную удаленность и труднодоступность (автодорог в советский период здесь было еще меньше), поселок не был «медвежьим углом» и оставался тесно включен в систему смыслов (прежде всего, экономических), генерировавшихся союзным и республиканским центром, что проявлялось в высоком уровне оплаты труда. Зарплата до восьмисот рублей в месяц при средней зарплате по области в 175 рублей была достаточным мотивом для переезда. Хотя основной костяк составили переехавшие вместе с вновь назначенным директором из Пермского леспромхоза, немало было и местных, пришлых, в том числе людей со сложным прошлым.

У нас завклубом был, художник. Такой, весь в наколках. Ну, ты понимаешь. Он и вывески делал, и объявления о фильмах. А рисовал ... обалдеть как. Один раз нарисовал пятерку и написал на ней не «пять», а «семь рублей». И на нее в магазине водку купил. Еще и сдачу дали (респондент, мужчина, 62 года, житель поселка).

В постсоветский период какое-то время поселок пытался вписаться в новую ситуацию. В 1993-м году создается АОО «Визирнинский леспромхоз», просуществовавший до 2011 года. Однако попытка оказывается не особенно успешной. К середине 90-х годов сокращается потребность в лесе в Якутии. Найти новых заказчиков, полностью компенсирующих сокращение прежних, не выходит. Разрушение системы смыслов, в которую был интегрирован поселок, привело к его исключению из устойчивых связей центра с периферией. Начинает приходить в упадок социальная инфраструктура. Прекращает полеты малая авиация, закрываются клуб, больница (заменяется ФАПом), столовая, ферма. Начинается отток населения. Изменение системы смыслов и связей, векторов их действия, отчетливо отразилось в изменении структуры доходов: по воспоминаниям жителей, заработок «по основному месту работу» сократился, но «расширились» дополнительные формы дохода (от охоты, от рыбной ловли).

Мы раньше шкурки в Усть-Куте сдавали. Только там все сильно хитро-продуманные были. Платили тысячи две. А в Иркутске их за семь продавали. Ну, нам и этого хватало. Я, считай, на шкурки дочери два высших образования дал. Она у меня следователем работает, в Ангарске. Только вот не люблю я, когда тебя [обмануть — авт.] хотят. Стали сами возить (респондент, мужчина, 52 года, житель поселка).

Резкое сокращение численности населения начинается после того, как в середине «нулевых» годов закрывают школу. После этого сокращение населения пошло семимильными шагами, как и разорение леспромхоза». Уезжают практически все семьи с детьми. Тем более, что достаточно близко, в бывшем населенном пункте Давыдово возникает новое лесопромышленное предприятия ООО «Витим-лес», фактически, полностью перехватившее торговлю с контрагентами вверх по Лене. Вслед за школой закрываются магазины, дом культуры, сгорает и разрушается здание управления леспромхоза и почти все общественные здания. Появляется множество брошенных домов. Поселок превращается в руины, воспоминание о самом себе. В 2017-м году он утрачивает статус поселения.

На сегодня в поселке постоянно проживают 33 человека, что в сравнении с селениями в 3–4 жителя в большей части поселков вполне пристойно. Здесь действует лесопилка, основные мощности которой некогда были «приватизированы» ее владельцем при банкротстве леспромхоза. На лесопилке работает хозяин и два его сына. Местные жители, которых тот активно приглашает на работу, предпочитают иные формы деятельности. Если в советский период лес отправляли плотами, то сегодня результат работы единственного предприятия в поселке отправляются вниз по течению баржами. Ни происхождение этих барж, ни адресата отправления обнаружить не удалось. Как и вызвать на разговор самого предпринимателя, зарегистрированного в форме ИП.

Отношение к владельцу лесопилки в поселке достаточно негативное. Причина здесь, судя по интервью и наблюдениям, отнюдь не в традиционном для глубинки отрицательном отношении к «мироодам-спекулянтам». Проблема здесь несколько иного рода, о ней мы поговорим чуть ниже.

Кроме лесопилки в поселке есть два официальных заведения. Одно из них почта. Но самого почтальона нет. Прежняя почтальон уволилась, нового пока не нашли. Есть библиотека. Но библиотекарь (дочь одного из респондентов-жителей поселка) не имеет высшего или даже среднего профильного образования. Потому числится в ней техническим работником. В поселке живет лесник-пенсионер, числящийся в близлежащем лесничестве на полставки. Имеет должность выборного в поссовете поселения Коршуново (к которому относится сегодня Визирный) «мэр» поселка. Есть также «дизель», работники которого получают зарплату в п. Коршуново.

Но и эти рабочие места, скорее, не способ получения заработной платы, а способ выстраивания отношений. Именно эти отношения и составляют основу социального бытия в поселке. Деньги в них играют существенно меньшую роль, нежели в «большом мире».

Основным занятием населения является охота, рыбная ловля, собирательство дикоросов. Собственно, по словам одного из респон-

дентов-жителей поселка остались те, кто «живет тайгой». Первое ружье здесь получают на десятилетие. А подросток уже умеет не просто хорошо стрелять, но знает, как застрелить зверя, не подпортив шкуры. Рыбачат здесь тоже с раннего возраста: свои снасти появляются, по мнению наших собеседников, едва ли не раньше, чем первая игрушка.

К «базовым» умениям добавляются множество необходимых в сельской и таежной жизни навыков от установки петель и капканов на разных животных до строительства домов, сараев, бань, заимок и т. д. В двух интервью упоминалось умение сложить печь. Естественно, каждый житель умел ходить на лыжах, имел навыки ухода за огородом и пр. Кроме всего прочего, примерно с начала 2000-х годов, когда в поселке закрылись магазины, жители стали сами печь хлеб. При этом чувствуется некое соревнование в стиле «чей хлеб вкуснее».

Собственно, из внешнего мира получается не так много вещей. Это, прежде всего, патроны, ГСМ, мука и масло, резе, ружья, моторы и лодки. Покупается одежда, иногда мясо. Хотя предпочтение отдается таежной дичи. Но сам акт обмена товара на деньги и денег на товар достаточно редкий. Обычно используется бартер. Так, в период экспедиции соседи авторов статьи «покупали» у проходящего судна бензин в обмен на ягоду.

Там, на танкерах всегда маленько, около тонны, бензина остается. Вот капитаны нам и сливают. Конечно, если люди нормальные. Но нормальных здесь, на реке, большинство. Вредные, сильно гордые сами уходят. Вот. А мы им ягоду таежную. Она с огородной никак не сравнится. Таежная и душистее, и слаще. Да и пользы больше. Тут и травки всякие очень полезные есть. Там, возле моей заимки. Ну, где Дубровка была. Там такие ягоды и травы растут, от любой болезни поднимают. И... это... мужчинам сильно помогают. Их у нас охотно берут. Сами спрашивают (мужчина, 52 года, житель поселка).

Капитанам проходящих по реке судов часто продают (обменивают) и шкуры животных, соленую и копченую рыбу. При этом шкуры, дичина и рыба здесь имеют две функции, далеко не всегда выступаая предметом обмена. Такое подношение может быть и формой установления контакта, поддержания «дружбы». При этом, подобный, контактоустанавливающий обмен имеет вполне осознаваемые границы. Если дар слишком мал, то контакт не случается. Но прекращается он, если обмен, с точки зрения дарителя, перестает быть справедливым. Это не прямо, но проговаривалось в интервью.

Он меня и спрашивает: как ты со всеми дружишь? Что тут непонятного? Берешь ведро рыбы сушеной, подходишь и дружишь. Если толку нет. Оно же сразу видно, то и не подходишь. Ну, если он силь-

но важный или человек жадный. Что с таким дружить (мужчина, 52 года, житель поселка).

Вместе с локализацией комплекса коммуникационных и хозяйственных практик, происходит постепенное размывание смыслов, генерируемых центрами. Отношения с внешним миром ставятся в зависимость от смыслов и потребностей, возникающих в повседневности: дружеские отношения с капитаном грузового судна, например, здесь оказываются более значимыми, чем знакомства в региональном правительстве, а своевременный сбор дикоросов — безусловно более существенным, чем участие в выборах. Национальная, да и региональная повестка, предлагаемая телевидением, уступает (как по значимости, так и по объему выделяемого на нее времени) место повестке локальной (спад или подъем воды в реке, внезапные болезни растений, возможности и ограничения на заготовку дров и т. д.). Внешний мир за пределами нескольких соседних населенных пунктов включается в систему локальных смыслов лишь постольку, поскольку обеспечивает поставку востребованных ресурсов из-за пределов сетей дарообмена.

Обмен характерен и для жителей поселка. Иногда это обмен результатами охоты и рыбалки. Скажем, у кого-то из соседей погиб урожай картошки. Соседи начинают ему нести свою. Иногда обмен услугами. Так, в поселке проживает уже более 20 лет человек без паспорта по имени Сергей. Все попытки односельчан помочь ему с восстановлением паспорта он не принимал. В его обязанности входит выставлять петли (ловушки) на медвежьих тропах. За это староста делился с ним мукой, сахаром и другими товарами, приходящими извне. По существу, дарообмен становится основой отношений между жителями поселка. Причем, судя по интервью, этого не было в советскую эпоху, но сложилось в период, когда население поселка стало резко сокращаться.

Так, тогда разные люди здесь жили. Кто-то недолго жил. Поработает, денег поднимет и уезжает. С такими дружить и смысла нет. Они всегда себе на уме. А теперь остались только свои. Разные, конечно. /.../ Хотя, какие есть. Свои (мужчина, 62 года, житель поселка).

Стоит отметить, что даже личная неприязнь не является причиной для исключения кого-либо из круга дарообмена. Отношения реципрокности слишком значимы здесь, чтобы ставить их в зависимость от симпатий и антипатий.

Терпеть этих алкашей не могу. Всю семейку. У О. (владелец лесопилки — прим автора) бутылку заработают, рыбок наловят, которми стыдно кошку кормить, нажарят и все. Ничего больше не надо.

Пьют, как... Ну, не знаю. У нас так не пьют. Если бы мой сын так пил, я бы просто сдохла. /.../ Ну, помогаем им, чем можем. Все-таки свои. Жалко. Ну, и сыну моему помогают с дизелем управляться (респондент, женщина, около 60 лет, житель поселка).

Собственно, в этом отрывке проявляется и причина негативно-го отношения к единственному местному предпринимателю. Вместо дара он предлагает тот же обмен, но как оплату. По выражению старосты «спаивает людей, а не платит». Ведь обмен вместо дарообмена возможен с внешним агентом — капитаном проходящего судна, «таежным бароном», представителем администрации района в г. Киренске. В то время, как предприниматель — свой, внутренний агент. Для того, чтобы быть «хорошим» он должен или отказаться от местной сети дарообмена, или не нанимать работников, а включить это в реципрокную систему.

Точки генерации смыслов складываются только на достаточно близком расстоянии, там, где они так или иначе включены в локальную повестку. И здесь способность внешнего агента войти в систему неформальных практик и реципрокных отношений оказывается гораздо более значимыми для производства смыслов, чем расстояние, на котором они расположены. Не случайно, хозяйственная повестка «таежного барона» и уровень отношений с ним оказываются более значимыми, чем районной и региональной власти. Вопросы национального уровня (в том числе и экономические мегапроекты, реализуемые в относительной близости) практически не производят значимых для местного сообщества смыслов, если не затрагивают тех или иных локальных проблем.

Отметим, что те же отношения с «таежным бароном» или его замами воспринимаются в качестве нормальных, причем, крайне важными для жителей поселка. Именно у «таежного барона» приобретается мука, масло, мясо. В обмен идут дичь, шкуры, ягоды. Это тоже не автоматический процесс, но достаточно сложно организованный ритуал, где вполне возможны и сбои.

Я приехал раз к Т. (фамилия «барона» — прим. автора). Он меня принял. Я сижу и молча на него смотрю. Тут же как, кто первый заговорил, тот и в пролете, просит. А я не просить приехал, а предлагать. Он тоже молчит. А потом не выдержал и спрашивает: «Что молчишь?» Я ему и отвечаю: «Вот думаю, стоит тебе ленков соленых предлагать или нет?» «Хорошие ленки?» — говорит. «Лучше не бывает». Посмотрел. Взял. А потом мне говорит: «А тебе что надо?» Договорились на сало. Он позвонил на склад. Мне и отрезали там от туши нормальный такой кус (респондент, мужчина, 62 года, житель п. Визирный).

При всей важности этих отношений «таежный барон» для жителей Визирного в отличие от прямых подчиненных, да и не совсем прямых (жителей сел, где действуют его предприятия) отношения эти, скорее, партнерские. Да, «старший партнер» может начать капризничать. Как отметил тот же респондент. «Он же предприниматель. Вот и хочет, по привычке, нас нагнуть. А мы не даемся». Но сами отношения от того не меняются. Стороны заинтересованы друг в друге: генерация смыслов здесь взаимная, двунаправленная [Бляхер, Григоричев, Ковалевский, 2023].

Интересно, что по тому же принципу выстраиваются отношения с «Белым домом» (районной администрацией в г. Киренске). С ними «дружат», обмениваются дарами, иногда, не очень часто, покупают ту или иную административную услугу. За время наблюдения был зафиксирован факт «приобретения» такой услуги. В случае, если «в белом доме» не хотели проявлять понимание, задействовалась тяжелая артиллерия в виде жалоб в прокуратуру и в правительство области. Впрочем, судя по интервью, непонимание проявлялось достаточно редко. Да и помогали чаще угрозы, нежели жалобы. Так, на обратном пути с авторами статьи ехала женщина (помощница мэра), с целью «объяснить» работникам администрации позицию жителей поселка.

По сути, удаленная власть (до райцентра более 200 км.) выступает для жителей Визирного еще одной неформальной практикой. Важность этой практики определяется только одним: способна ли она поставить в поселок ресурс, значимый для его жителей, живущих «настоящей жизнью». В этом плане районная власть еще имеет какой-то смысл. Она поставляет топливо для «дизеля», которое, кстати, перераспределяется жителями, исходя из их собственных представлений о важности. Оно платит зарплату, а деньги — тоже значимый, хотя и не главный инструмент дарообмена, выполняет еще какие-то осмысленные в настоящей жизни вещи. Областная власть значима только тем, что туда можно пожаловаться на районную, что позволяет держать ее «в тонусе».

Силовые структуры занимают здесь двойственное положение. В принципе, они полезны, как и областная власть и в той же функции. Единственный представитель власти в поселке (лесник), насколько можно судить по наблюдениям и интервью вполне включен в процесс дарообмена. Но есть власти неприятные. Это, прежде всего, государственная инспекция маломерных судов (ГИМС). Дело в том, что большая часть лодок в поселке (а они жизненно важны для жителей) не зарегистрированы. Но система оповещения по деревням работает, позволяя компенсировать угрозу. То есть, силовики потенциально опасны. Но опасность эта намного меньше, чем, скажем, опасность от расплодившихся медведей, живущих близ поселка, или выдр, которых слишком много, «а едят они нашу же рыбку».

Заключение

В одном из наиболее тонких исследований российской политики ее автор, В.Л. Цымбурский выделяет одну из ключевых особенностей «русской власти» [Цымбурский, 2016]. Власть здесь не позиция в социальной иерархии, не функция в рамках системы управления, но онтология. Именно она создает ту реальность, в которой протекают социальные, экономические и прочие процессы, именно она образует Ойкумену. Сходная картина власти-онтологии выстраивается и в работах Ю.С. Пивоварова [Пивоваров, 2014].

В рамках такого подхода отношения главный центр — периферия (малый центр) — периферия выстраиваются как способ передачи структурообразующих смыслов от источника (центра) до удаленной периферии. В обратную сторону, в сторону центра движутся людские и материальные ресурсы, обеспечивающие функционирование системы, распределяющиеся (раздающиеся) в соответствии с важностью места, социальной и политической позицией агента или территории [Кордонский, 2009].

Однако на каком-то этапе система начинает давать сбои. Огромная территория, особенно на Востоке России, оказывается вне контроля местных центров. Точнее, такой контроль имитируется. Для успешности имитации (а ее поддержание — важнейшее условие самосохранения и местной, и региональной власти) и возникают «таежные бароны», силовые операторы, не являющиеся элементами системы. В силу этого они и не транслируют смыслы центра. Здесь возникает не просто периферия власти, но периферия Ойкумены, периферия оформленного властью бытия [Бляхер, Григоричев, Пешков, 2022].

Уже по частоте упоминания видно, что местный оператор много значимее для жителей территории, нежели формальная власть. Последняя начинает сжиматься к центрам, создавая экзотические формы сохранения политического контроля над территорией, объявляя ее «пустой». И дело здесь не столько в физической удаленности и труднодоступности, сколько в разной связи возникающей невозможности контроля. Такая периферия может быть пространственно рядом с активно развивающейся и контролируемой территорией. Скажем, совсем недалеко от описываемого объекта (по сибирским меркам, конечно) находится Ковыктинское месторождение и структуры «Газпрома».

Но за границами деятельности «таежных баронов», как мы постарались показать в статье, остаются населенные земли. Они не оформлены политически, они почти не видимы официальной статистикой, но они есть. С точки зрения власти-онтологии их существование бессмысленно. Они не выступают реципиентами смыслов, они не поставляют ресурсы, которые может распределять власть. Но столь же бессмысленным оказывается для них существование самой власти.

Собственно, такие центры (от районного уровня и выше) становятся для периферийных поселков лишь возможным (но не гарантированным) источником ресурсов, не производящим никаких смыслов. Отсутствие или, по крайней мере, неочевидность вектора движения структурообразующих смыслов создает ситуацию взаимной периферизации, когда «центр» для живущих «за краем Ойкумены» превращается в столь же незначимую периферию, как и они для «центра».

В одном из интервью респондент это сформулировал следующим образом.

Говоришь, красота здесь. Мы здесь живем. Нам она как-то побоку. Нормально живем, получше, чем многие. Сами о себе заботимся. Еще бы государство не лезло, так и совсем хорошо бы было. Если уж власть на нас забила, так пусть бы и совсем ... [отстанет — авт.] Сами проживем (респондент, мужчина, около 40 лет, житель поселка Визирный).

В мире за краем Ойкумены власть лишается смыслов. И если местная власть сохраняет функцию поставщика ресурсов, то все вышестоящие просто обесмысливаются, превращаются для жителя поселка не просто в периферию, но в «пустоту». Причем, чем выше место в социальной (политической) иерархии занимает структура, тем бессмысленнее она оказывается.

* * *

В принципе, число жителей такой, абсолютной периферии, мира на краю и за краем Ойкумены не так велико. Точный подсчет произвести достаточно сложно. Но едва ли их больше 2–3% от общей численности населения страны. Важность же изучения подобных социальных пространств связана с тем, что сегодня начинает изменяться вектор устремлений. Если многие десятилетия, практически весь советский и постсоветский период ведущим было центроостремительное движение, от периферии к меньшей периферии, от нее к центру, а в постсоветские годы этот тренд стал ведущим [Мкртчян, Кашницкий, 2014], то сегодня мы фиксируем обратное движение.

Крупнейшие компании переносят офис из столицы в региональный центр, наиболее успешные агенты предпочитают жить на удалении от крупных городов (хотя и оставаясь на их экономической орбите). Строго говоря, последовательное движение в этом направлении и приводит нас на край Ойкумены, за ее края. Какой будет реальность за пределами власти-онтологии, пока сказать трудно. Но абрис этой другой реальности можно сделать, опираясь на описания уже существующего бытия «за краем».

Литература

1. **Бляхер, Л. Е., Григоричев, К. В., Ковалевский, А. В.** Власть на аутсорсинге или медиаторы «пустого пространства» // Мир России. 2023. Т. 32. № 2. С. 97–119.
2. **Бляхер, Л. Е., Григоричев, К. В., Пешков, И. О.** На краю государства: политическое оформление периферии власти // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2022. № 2. С. 71–101.
3. **Каспэ, С. И.** Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2007.
4. **Кордонский С. Г.** Административно-территориальная структура России и ее ресурсно-сословная природа // Мир России. 2009. Т. 18. № 3. С. 3–38.
5. **Кордонский, С. Г.** Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006.
6. **Кордонский, С. Г.** Классификация и ранжирование угроз // Отечественные записки. 2013. № 2. С. 52–73.
7. **Мкртчян, Н. В., Кашницкий, И. С.** Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север // Потенциал ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта / Под ред. Н. Е. Покровского, Т. Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014. С. 123–139.
8. **Моляренко, О. А.** Изоляция власти от населения в сельской местности: причины и последствия // ЭКО. 2018. № 1. С. 23–29.
9. **Пивоваров, Ю. С.** Русское настоящее и советское прошлое. М.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014.
10. **Родман, Б. Б.** География, районирование, картоиды. Сборник трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007.
11. **Трейвиш, А. И.** «Сжатие» пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. Материалы XXVII сессии Экономико-географической секции Международной академии регионального развития и сотрудничества (МАРС). Москва, 2010. С. 16–31.
12. **Филиппов, А. Ф.** Прикладная социология пространства // Социологическое обозрение. 2009. № 3. С. 3–16.
13. **Хамфри, К.** Изменение значимости удаленности в современной России // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 8–24.
14. **Цымбурский, В. Л.** Морфология российской геополитики и динамика международных систем XVIII–XX веков. М.: Книжный мир, 2016.
15. **Centers and peripheries in the post-soviet space: Relevance and meanings of a classical distinction / Ed. by A. Filippov, N. Hayoz, J. Herlth.** Bern: Peter Lang, 2020.
16. **Humphry, C.** 'Remote' areas and minoritized spatial orders at the Russia — Mongolia border // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. 2015. Vol. 46. [Online] <<http://journals.openedition.org/emscat/2542>> [Date of access] 15.09.2023.
17. **Schweitzer, P., Povoroznyuk, O.** A right to remoteness? A missing bridge and articulations of indigeneity along an East Siberian railroad // Social Anthropology. 2019. Vol. 27. No. 2. P. 236–252.
18. **Tilly, Ch.** How empires end // After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires / Ed. by R& Barkey, M. von Hagen. Boulder; Oxford: Westview press, 1997. P. 1–11.